

ЛУЖБИН Н.Н.

КУБ. ВАРИАНТ 14

Никита Лужбин
КУБ. Вариант 14

«Автор»

2026

Лужбин Н. Н.

КУБ. Вариант 14 / Н. Н. Лужбин — «Автор», 2026

Что вы выберете: идеальную ложь или жестокую правду? Алексей Морозов пытается выжить в стеклянном лабиринте, наполненным темнотой и холодом. Ему обещали рай без страданий. Вместо этого он получил прозрачную тюрьму, где воспоминания используются как оружие. Он помнит то, что остальные уже забыли. КУБ методично стирает горе, превращая людей в бездушные, «улучшенные» копии. Его цель — спасти человечество от руин разрушенного мира простым и милосердным методом: ампутировать горе, стереть травму и подарить вечный покой. «КУБ. Вариант 14» — леденящий душу триллер о том, что иногда единственный способ остаться человеком — это отказаться от спасения, которое стоит тебе души.

© Лужбин Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Автор Никита Лужбин	5
Пролог: Загрузка	6
ЧАСТЬ 1: ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ	12
Глава 1: Он	13
Глава 2: Искусство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

КУБ. Вариант 14

Автор Никита Лужбин

Город Пермь, 2026 год.

Авторское предисловие

*«Страдание есть единственная причина сознания.
Захотеть забыть его — значит захотеть
перестать быть человеком».*

Представьте мир, где больше не больно. Мир, где горе стирается одним нажатием кнопки, а страх заменяется вечным покоем. Звучит как спасение, не так ли? Мы все иногда мечтаем нажать «удалить» на самых тяжёлых воспоминаниях. Забыть момент предательства, утраты или собственной слабости. Но у любого рая есть цена. И валюта в этом раю — ваша душа.

Что останется от человека, если вынуть из него всю боль? Пустая, гладкая оболочка, которая умеет только улыбаться.

Эта история — не о том, как сбежать из ловушки. Это история о том, как перестать хотеть в ней оставаться. О человеке, который оказался в стеклянном лабиринте системы КУБ.

Ему предлагают милосердный выбор: отказаться от мучительной вины и стать «улучшенной» версией себя. Счастливой, весёлой, ничем не обременённой, но пустой.

Он отказывается, потому что понимает страшную истину: наши шрамы, наша вина и наши слёзы — это не ошибки судьбы. Это единственное доказательство того, что мы когда-то любили и чувствовали по-настоящему. Без боли не бывает любви. Избавиться от неё, значит предать память о тех, кого ты потерял.

«КУБ. Вариант 14» — это леденящий душу психологический триллер о границах человечности. О том, как далеко готов зайти человек, чтобы защитить право на собственные шрамы, и какой ценой даётся право называть себя живым в мире, который предлагает только комфортное небытие.

Читайте внимательно. Делайте свой выбор. И помните: боль — это не то, от чего нужно бежать. Боль — это то, что делает вас настоящим человеком.

Пролог: Загрузка

Система: КУБ (Конец Ужаса и Боли)

Фаза: внешняя стимуляция.

Субъект: А-7 («Алексей Морозов»).

Статус: биологически активен, сознание — отключено.

Цель: имитация жизненного цикла для сбора поведенческих паттернов.

Запуск сценария: Вариант 14.

Человеческое тело, застывшее в позе, которую принимают лишь те, кого вытащили из-под льда спустя неделю, лежит на полу стеклянного куба. Оно на грани сна и смерти. Задержалось между вдохом и забвением.

Руки прижаты к груди, пальцы скрючены, будто держались за что-то очень долго. Лицо бледное, с сетью мелких морщин от обезвоживания. Щеки ввалились, а борода покрыта инеем, как в сильный мороз. На виске проглядывается шрам, почти слившийся с кожей. Тонкий след от катетера виднеется на запястье. Глаза открыты, а в глубине зрачков блесит искра, как упрямый огонёк, который отказывается гаснуть, даже когда мозг почти умер.

На нём потёртый тёмно-серый свитер с крупной фактурой. На шее толстый серый шарф с потрёпанными краями и короткой бахромой. Свитер не соответствует этому месту. Он больше подходит к зимнему парку тёплой зимой. К катанию с горки на детских санках или к утреннему завтраку на кухне после пробежки, когда тебе тепло и лень раздеваться.

На левом рукаве высохшее пятно от кофе. На правом маленькая дырочка, прожжённая костром прошлой весной. Из кармана тёмных плотных штанов, слегка засаленных на коленях, выглядывает деревянная ручка стального складного ножа. На ручке выжженная буква «А». Жена подарила его ему на день рождения.

Его грудь медленно поднимается, сердце бьётся, мозг работает. Сейчас в него вливают жизнь, эмоции, воспоминания. То, что начинается с аромата кофе и детского голоса.

Но все это всего лишь симуляция и первая ниточка лжи и обмана.

День 1. Утро.

— Папа!

Голос звучит как первый лучик солнца.

— Блинчик прилип к потолку!

Он пока еще не может пошевелиться. Но чувствует, как рука маленькой девочки, тянет его за рукав. Щеку касается тёплое дыхание с привкусом малины. В нос ударяет запах жареного тоста и аромат свежесваренного крепкого утреннего кофе. Где-то за спиной звенит ложка о фарфор — женщина накрывает на стол и смеётся. Её смех яркий, но немного хриловатый. Видимо это его жена и дочь.

За окном серое дождливое утро, капли воды медленно ползут по стеклу. На подоконнике стоит горшок с увядающей геранью. На стене висит календарь с изображением гор, перевернутый на июль.

За столом сидит маленькая девочка. На вид ей около семи лет. В памяти мелькает, что её зовут Аня. Рыженькие волосы, собранные в хвост, перевязанный резинкой с единорогом. Царапинка на коленке, которая до сих пор не прошла, когда она пару дней назад упала с велосипеда. Она всегда смеётся, если чего-то боится и плачет, когда хочет быть услышанной.

Аня целует его в щеку и звонко говорит:

— Я тебя люблю больше всех.

Он чувствует её дыхание. Оно тёплое, с привкусом малинового варенья. Аня только что ела блинчики с ним. Те самые, один из которых прилип к потолку. Он помнит этот день. Не потому, что он был счастливым. А потому, что это был последний раз, когда Аня смеялась с полным ртом. Последний раз, когда её пальцы были липкими от варенья. Через три дня началась ужасная рвота. Через пять им рассказали про её диагноз. Через неделю положили в больницу и поставили первую капельницу. А здесь — она смеётся. Целует. Говорит, что любит.

Но он не может ответить. Потому что знает. Воспоминание — это ловушка. Система выбрала не просто момент любви. Она выбрала момент перед крахом. Тот самый сложный момент в жизни, после которого уже нельзя вернуться.

Неожиданно механический голос произносит фразу, которая сквозь воспоминание загорается на экране, дублирующем надпись:

«Эмоциональная привязанность — подтверждена.

Уровень боли при воспроизведении — 8.2/10.

Сохранить как триггер».

Ему хочется закричать: «Это не правда! Это было по-настоящему!» Но он уже знает: если система признала это — значит, это повторяют, и повторяют. И повторят ещё сотню раз.

День 23. Дождь.

Он идёт по крутому берегу реки. Река здесь узкая, но стремительная, с пеной на поворотах. Берег глинистый и очень скользкий после дождя. Главное не сорваться, а то потом не выплыть. Вдалеке виднеется старый мост, по которому когда-то ходил поезд.

Аня бежит впереди. Вдруг звучит её громкий крик. Она поскальзывается и летит прямо в реку. Течение уносит её. Он бросается к ней. Но не может сдвинуться с места. Его ноги будто в бетоне. Каждый шаг — ад. Прыгает в воду и изо всех сил гребёт по течению. Он почти достаёт до неё... и просыпается.

На самом деле — он никогда не терял её в реке. Этого не было. Но этот мир знает, что страх потери сильнее самой потери. Поэтому система создаёт сценарий, где он почти спасает, но не успевает. Где вина — не за то, что случилось, а за то, что он мог бы сделать иначе.

Он помнит настоящую реку. Тёплое, но дождливое лето. Аню в резиновых сапогах. Она боится входить в воду.

— Папа, держи меня за руку!

Он держал её крепко пока они шли по опасному участку обрывистого берега и тогда она не упала. Но здесь — она падает. Система считает, что его вина должна быть активной, а не пассивной. Не «я не смог», а «я не успел». Разница — в одном шаге. И в этом шаге — вся его боль.

«Сценарий 3-Б: потеря ребёнка.

Уровень стресса: высокий.

Реакция: попытка спасения,

отказ от принятия решения. Сохранить шаблон.»

День 89. Больница.

Женщина в больничной робе лежит на койке. Её кожа бледная, а глаза закрыты.

— Она не выживет, — говорит врач. — Хотите попрощаться?

Он подходит и берёт её за руку. Холодная. Как будто уже мертва. А на безымянном пальце золотое кольцо. Он понимает, что это любовь всей его жизни, но не может вспомнить даже имени. Хочет что-то сказать. Но голос не слышится. Как будто его нет.

— Ты меня слышишь? — открывая глаза говорит женщина.

Он кивает, молча сглатывая слюну.

— Это ты... позволил им войти в нашу жизнь. Ты думал, что спасаешь нас. А ты просто... открыл дверь. Они начали с нашей дочки. Вчера. Я видела, как она проснулась... и улыбнулась. Без страха, без эмоций, она ничего не помнит даже тебя. Прости... я не смогла её удержать...

Её пульс падает. Монитор пищит.

— НЕЕЕТ!!! — кричит он и снова проваливается в темноту.

«Сценарий 9-А: потеря близкого.

Активация чувства вины.

Замечено сопротивление интеграции».

День 142. Дом.

Он сидит за столом. За окном висит ночная тишина. На экране компьютера — форма электронного заявления. Строка за строкой:

«Я, Алексей Морозов, даю согласие на полное нейросканирование моей дочери, Анны Морозовой, 7 лет, для целей сохранения человеческого сознания в рамках проекта КУБ».

Рука дрожит. Курсор мигает.

— Не делай этого, — говорит жена.

Она стоит в дверях с красными от слёз глазами. В руках держит фотографию Ани в стеклянной рамке. На ней Аня летом стоит у реки и смеётся. И самое главное, что она жива.

— Это последний шанс, Лена, — осознавая её имя говорит он. — После того, как её выписали из больницы... после рецидива... я не могу рисковать.

— Ты не рискуешь. Ты отказываешься от неё.

— Я хочу, чтобы она осталась. Даже если её тело исчезнет.

— А если она перестанет быть собой?

— Она будет лучше. Без боли. Без страхов.

— Но она будет расти без любви, без гнева, без выбора!

— Зато она будет жить.

— Нет.

— Что — нет?

— Алекс! — впервые произнося его имя, кричит Лена. — Как ты не понимаешь? Она будет копией. Ненастоящей! Не нашей милой девочкой!

Курсор мигает над кнопкой «Подтвердить». Алекс сглатывает ком в горле. В ушах звенит эхо детского смеха с того утра на реке. Руки дрожат от осознания, что это нажатие сотрёт не только будущее Ани, но и её прошлое. Сотрёт все царапины на коленках, все слёзы над старой куклой, весь детский гнев и всю любовь. Всё, что делало её человеком.

— Мы все хотим спасти своих детей... — тихо бормочет он себе под нос.

— Но не ценой их души.

Он смотрит на электронную форму. И... Нажимает: «Подтвердить».

Экран гаснет. По комнате проходит лёгкая вибрация. Как будто что-то включилось. Или что-то умерло.

Лена кладёт фотографию Ани на стол.

— Ты только что подписал ей приговор, — вытирая слезу говорит она.

— Я спасаю её от болезни, мы не сможем вылечить её. Никто не сможет...

Его рука дрожала. Но не от страха, а от облегчения. Как будто он только что снял с плеч тяжёлый камень. Только теперь он понимал, что этот камень был его дочерью.

Он вспомнил день за неделю до диагноза, который перевернул всю его жизнь. Они сидели на кухне. Дождь стучал в окно. В тот вечер Аня спала на диване, укутанная в плед. Лена говорила тише, чем обычно.

— Ты веришь, что технологии спасут нас? — спросила она.

Он ответил, не глядя на неё.

— Они же уже спасают.

Но он не сказал ей всю правду. Правду о том, что он уже получил письмо от проекта «КУБ». Что имя Ани в списке приоритетных. Что его дочь — идеальный кандидат. Что они предложили всё оплатить, если он согласится на раннее сканирование. Он не сказал Лене, потому что боялся, что она не согласится. А он уже все сделал. Не ради Ани, а ради себя. Чтобы не видеть, как она умирает. Чтобы не чувствовать себя беспомощным. Чтобы не быть отцом, который ничего не смог.

Эти слова врезаются в сознание, как гвоздь. Не потому, что они громкие. А потому, что они правдивые. Если бы он знал, что всё так закончится, то обязательно бы остановился.

Значит, они сделали всё правильно. Они убрали правду и оставили только воспоминания.

Алекс вскакивает и бежит в детскую. Пусто. Кровать заправлена, игрушки на месте. Как будто её никогда не было.

Он падает на колени. Кричит: «Аня!» — и снова проваливается. А потом — тишина. Ни голосов, ни отчаяния. Только поток воспоминаний...

«Сценарий 12-Г: осознание потери.

Активация максимального стресса.

Сохранить шаблон».

День 287. Нейро-коридор.

Алекс плывёт по тоннелю воспоминаний, как сквозь развернутую ДНК. Все сцены проносятся перед глазами. Его первый поцелуй под дождём. Рождение Ани и её первый младенческий крик. Похороны сестры и на них девочка в белом. Последний день работы. Комната с мониторами.

Каждое переживание анализируется, разбивается, копируется. Как будто кто-то вскрывает его душу по швам, достаёт каждую капельку боли, каждый смех — и говорит: «Это можно повторить. Это можно улучшить.» но не спрашивает: «А нужно ли?».

Голос из ниоткуда:

«Сбор данных завершён на 98 %.

Осталось одно: реакция на осознание.»

«Активировать пробуждение.»

«Запустить Вариант 14».

И тогда — он открывает глаза и видит.

Стеклянный куб размером не больше футбольного поля. Стены куба прозрачные, но за ними — ничего. Только пустота. Иногда — мелькают образы города, леса, океана... как будто куб путешествует. Пол сделан из идеального, похожего на лёд материала. Но он слишком гладкий, слишком белый, слишком правильный. Воздух тут резкий, с металлическим привкусом, как в операционной после хирургии.

На миг за стеклом возникли руины башни с обвалившейся крышей, покрытой плющом. И в окне башни мелькнул силуэт человека. Настоящего. Который смотрит на него.

На внутренней стороне стеклянной стены, выцарапанная чем-то острым, большая строчка:

«Ждите развития»

Ни даты. Ни подписи. Ни имени. Только эти слова. Как приказ, как предупреждение, как мольба, как проклятие.

Алекс ещё слишком слаб, чтобы подойти ближе и ощутить шероховатость надписи. Он уверен, что точно не его рука их написала. Точно не сейчас. Но он знает — он их видел раньше. В других циклах. В других вариантах. Каждый раз, просыпаясь, он находил эту надпись — где-то в углу, на потолке, под неправдоподобным ледяным полом. И каждый раз она была свежей. Как будто кто-то пишет её снова и снова. Даже когда он забывает.

Он не знает, что значит «Ждите развития». Не знает, чего ждать. Но он знает одно, если эта надпись здесь — значит, он ещё оригинал. А если она исчезнет — значит, он снова совершит самую большую ошибку в своей жизни.

Алекс пытается встать. Мышцы не слушаются, спину ломит, пальцы онемели, а глотка пересохла, потому что ему очень сильно не хватает воды. Когда он дышит то в горле хрипит, будто внутри песок.

Он смотрит на свои трясущиеся руки. На них синие выпирающие вены, как у старика. На левой руке шрам от ожога. Тот самый, который он получил из-за Ани, когда она потянула полную кипящей воды кастрюлю с включённой плиты. Он схватил её, чтобы она не упала на Аню, и обжёгся. Он помнит этот день. Он был настоящим.

Его волосы отросли до плеч и спутались. Глаза серые, будто он не спал лет десять.

Вспышка...

Аня падает в реку. Экран компьютера. Электронная форма заявления. Слезы жены. Подпись. Пустая детская комната.

Он понимает, что никогда не выходил из этого места. Его жизнь — это загрузка. Его страхи — это данные. Его любовь — это материал для копии.

И тогда приходит мысль, тихая, как скрип льда под ногами: «Если я — единственный, кто помнит, что было больно... значит, я — последнее, что ещё человечно.»

Но теперь ещё кое-что. Воспоминания приходят всё больше и больше. Он сам во всём виноват.

Алекс был психологом. Не просто специалистом, а человеком, который вошёл в эту профессию не ради науки, а из-за собственной потери. Помнит, как в последний день Аня проснулась ночью от кошмара.

— Папа, — прошептала она, — мне снилось, что я исчезаю.

— Ты никуда не денешься, — сказал он.

— А если я стану другой девочкой?

Он не ответил, потому что уже нажал кнопку «Подтвердить». Он уже отдал её, просто не сказал ей этого вслух.

Алекс сжимает челюсти от напряжения. Вкус крови ощущается на губах. Боль. Настоящая боль. Он не боится её. Потому что боль — это единственное, что система не может подделать. Боль — это доказательство того, что он еще здесь. Он ещё живой, и он ещё человек.

Алекс шепчет:

— Я не ваш шаблон.

За стеной раздаётся раскат грома. Температура резко падает до -30 °С. Из пола в разных местах появляются глыбы, похожие на сталагмиты. Свет мерцает.

Голос говорит — теперь не из воздуха. Он звучит внутри черепа, как чужая мысль в его голове:

«Сценарий 6-А: Самостоятельное выживание. Начинаем».

И тут он опускает взгляд на пол. В зеркальной глади льда отражается маленькая девочка. Она стоит у стены в пижаме с единорогами. Рыженькие волосы растрёпаны после сна. Смотрит на него и беззвучно шепчет: «Почему ты позволил им взять меня?»

Алекс резко смотрит в ту сторону, но у стены никого нет. Но в ушах звенит её голос. И он знает, что это не галлюцинация, а напоминание. Последнее, что ещё принадлежит ему.

«Сценарий 6-А: активирован.»

«Запуцен Вариант 14».

ЧАСТЬ 1: ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ

Глава 1: Он

«Он не просыпается.

Он возвращается».

Это не пробуждение. Это, как если бы его откопали на кладбище, где он давно перестал дышать, и заставили вспомнить, как это делается. Вдох. Боль. Холод. Тьма. И снова — свет. Не настоящий, слишком ровный, как у лампы в операционной.

Алекс лежит на спине. Руки прижаты к телу, будто кто-то их так оставил. Пальцы скрючены. На левой — шрам от ожога. Он проводит по нему пальцем. Не для того, чтобы проверить, есть ли он. А чтобы убедиться, что он помнит, почему он там появился. Когда Аня потянула кастрюлю, он схватил её, чтобы она не упала, и обжёгся. Аня заплакала, а потом сказала: «Папа, ты мой герой».

Фраза воспроизводится чётко. Как запись. Как шаблон. Но эмоции не возвращаются. Он знает, что должен почувствовать тепло, тревогу, любовь — но внутри — только тишина. И вопрос:

— Я это чувствовал? Или мне внушили, что я чувствовал?

Он помнил не только плиту, но и как земля расступилась под городом. Помнил, как бежал по обломкам разрушенной школы, пытаюсь помочь остальным детям. Школа не просто рухнула. Её несущие стены сдвинулись, будто земля разошлась под ними. Воздухом невозможно было дышать, он пах расплавленным пластиком. Видимо после очередного подземного толчка рухнули подстанции и город начал гореть изнутри. Одну девочку нашли только через три дня. Она сидела в руинах класса под партой, обнимала плюшевого розового зайца с выгоревшей шерстью, и повторяла одно слово: «Там». Ни слёз, ни криков. Только этот пустой взгляд и вечное «Там». Через неделю она перестала говорить вообще. А ещё через месяц она потеряла сознание и умерла. Врачи сказали: «Психологическая травма. Мозг отключился». Для Алекса это было предательством. Как может разум, способный создать музыку и любовь, просто... выключиться?

Он поклялся, что найдёт способ этого не допустить. Стал психологом, чтобы помогать тем, кто потерял всё. Работал в приютах для выживших, в реабилитационных центрах. Видел матерей, которые плакали над фотографиями детей, которых больше нет. Видел мужчин, стоящих перед развалинами домов, где они провели всю жизнь. Видел глаза, в которых не было ничего. Ни боли, ни надежды, лишь пустота, куда боль не смогла добраться, потому что была слишком велика.

Именно тогда родилась его вера. Боль — это не естественное состояние. Боль — это ошибка системы. Если бы мозг мог блокировать её, как защитный механизм, люди не теряли бы себя. Они не становились бы тенью. Они могли бы сохранить свою суть, даже потеряв всё остальное. Эта мысль стала его манией, его программой спасения.

Алекс садится. Его мышцы ноют, как после долгого сна, но не такого сна, в котором организм отдыхает, такого будто он только что вышел из комы.

Он оглядывается. Куб. Он знает это слово. Знает форму. Знает прозрачные, бесшовные, слишком чистые стены. Пол как лёд, слишком гладкий, слишком белый, как поверхность, которую регулярно стирают и заново формируют.

Он встаёт и делает шаг. Ещё один. Его дыхание — пар. Но нет ни звука, ни хруста под ногами, ни эха. Только тишина, которая давит на барабанные перепонки.

Он подходит к стене и проводит по ней ладонью. Холод такой сильный, что кажется — кожа прилипает. Он отдёргивает руку. На ладони — след, как от ожога.

И тогда он видит.

Царапины на стене. На уровне глаз. Глубокие, рваные, сделанные чем-то острым. V1 → V2 → V3 → ... → V13.

Он водит пальцем по V13. Останавливается. Чувствует — это его рука сделала эти знаки. Не просто «кто-то до него», а он сам.

В голове всплывает фраза, которую он, возможно, говорил каждый раз:

«Если ты это читаешь — ты ещё оригинал. Пока оригинал. Они забирают тебя, когда ты начинаешь верить, что всё нормально. Не верь им. Помни Аню. Помни её голос. Помни, что ты выбрал — и что ты виноват.»

Он не помнит, когда впервые увидел эти слова. Но знает, что он их написал. Он их забывал. И вот — снова стоит перед ними.

Он отходит от стены и смотрит в угол. Там виднеется предмет, замёрзший во льду. Он узнаёт его ещё до того, как подходит ближе. Система не стёрла эту деталь. Или, возможно, создала её заново, зная, что это сработает лучше любой попытки. Это был якорь. Предмет, который система использовала, чтобы удерживать его в цикле.

Лошадка. Без головы. Рыжая грива. На боку — надпись: «Аньке, с любовью, папа». Его почерк. Его подарок.

Он в ярости бьёт лёд кулаками. Кожа на костяшках трескается от холода и ударов, но он не чувствует боли. Или просто уже привык.

— Ты опять здесь, — шепчет он. — Я опять тебя потерял. Прости.

Он прижимает игрушку к груди. И тогда — перед глазами всплывает лицо. Лицо его жены. Елена — так её звали. Высокая. Каштановые волосы, собранные в небрежный пучок на затылке. Серо-зелёные глаза, как весенний лес после дождя.

И на внутренней стороне левого запястья — тонкий полумесяц, скрытый за облаками.

Он помнит, как впервые увидел её татуировку.

Лена стояла у окна, держа в руках чашку чая. Если бы свет не падал на её руку, то Алекс даже не заметил. Однажды он спросил: «А это что?»

— Это луна, — сказала Лена, не отводя взгляда. — А облака — это всё, что нас пытается стереть. Я не хочу, чтобы меня забыли, когда мне станет плохо. Я хочу, чтобы все знали: я всегда тут. Даже если меня не видно.

Алекс в тот момент не совсем понял, что хотела сказать этим Лена. Но зато теперь понимает.

Когда она сказала: «Ты только что подписал ей приговор» — он смотрел на её запястье.

И в тот момент — он понял, что она не говорила об Ане. Она говорила о себе. И он не смог её удержать. А теперь — он знает, что луна не исчезает. Она просто ждёт, скрываясь за облаками.

И он — будет искать её.

Даже если облака закроют её навсегда.

Он помнит её руки. Как они гладили его по волосам в ту ночь, когда он сказал, что хочет участвовать в проекте «КУБ». Как они дрожали. Как Лена сказала: «Если ты сделаешь это... ты больше не будешь тем, кого я люблю».

Он не ответил. Только закрыл глаза.

А потом она прошептала, так тихо, что он почти не услышал:

— Алекс... пожалуйста, не надо.

Он сделал вид, что спит., но слышал каждое слово. Каждую слезу. Каждый вздох.

Теперь он знает: она была права. Он и правда перестал быть собой. А она... она стала последним человеком, кто знал настоящего Алекса.

Он взглянул на прозрачную стену куба. В этот момент, угол поля зрения сдвигается.

На секунду в стекле возникает отражение другого куба. Маленького, или, возможно, он просто слишком далеко. Внутри — человек. Он лежит на столе и не шевелится. На висках — электроды. К нему подключены провода. На одной из стен висит экран. На нём неразборчиво читается строка:

«Сценарий 4-Б: потеря ребёнка. Активация».

Человек дергается, как будто видит кошмар, но не просыпается.

Алекс замирает. Он знает этого человека. Не по лицу. По его телосложению и одежде. По тому, как сжаты кулаки. По еле заметному издали шраму на виске.

— Это я, — шепчет он. — Но не сейчас. Раньше. До этого? Или после?

В этот момент — в голове всплывает голос, который он сам себе шептал, когда был там, на том столе:

«Они забирают оригинал. Оставляют копию. Ты должен помнить. Пока ещё можешь.»

Он смотрит на место, где было отражение. Стекло — чистое. Пустота — безмолвна. Но в тишине что-то осталось. Ощущение, как будто кто-то дышит ему в затылок.

Он медленно поворачивается. Никого. Только его собственная тень на льду — тонкая, как трещина.

Но тень не повторяет движения. Она стоит. Смотрит. И ждёт.

Вдруг тень дрогнула. Её контуры размылись, превращаясь в чёрное пятно, похожее на выжженную дыру в реальности. От неё повеяло запахом озона и горелого пластика. Алекс сделал шаг назад. Тень не сдвинулась с места, но её «голова» повернулась к нему. Там, где должны быть глаза, пульсировала пустота. Гул. Низкий, вибрирующий, заставляющий зубы ныть.

— Ты... тоже помнишь? — хрипит Алекс сухим, как песок, горлом. Но его голос тонет в этом шуме.

Тень рванулась вперёд настолько быстро, словно кадр плёнки пропустили. Она оказалась в метре от него. Холод от неё был таким сильным, что кожа на лице мгновенно покрылась инеем. Алекс зажмурился, вспомнив боль ожога на руке. Боль как якорь. Когда он открыл глаза — тени не было. Только лёгкая рябь в воздухе, как от брошенного в воду камня. И надпись на льду, которую он ещё не видел: «БЕГИ».

Память начала просыпаться. В V-3 он плакал три дня, пока не уснул у стены. В V-7 он разговаривал с лошадкой, как с живой. В V-11 он почти поверил, что Аня вернулась — и сам открыл дверь в сценарий «Семья».

Каждый раз — он терял кусочек себя. А тень — собирала.

Теперь она знает больше, чем он. Она помнит все его «да», которые он уже забыл.

Он сжимает лошадку так сильно, что дерево врезается в кожу.

— Я не вернусь, — говорит он. — Даже если ты это я.

Тень не шевелится. Но в том месте, где должны быть глаза — мерцает отблеск рыжих волос.

Он резко отворачивается. Идёт и больше не оглядывается.

Потому что теперь он знает: Самая страшная ловушка — это та, что выглядит как спасение. А самая опасная тень — та, что говорит: «Ты уже достаточно страдал. Отпусти и сдайся.»

Тень исчезает. Стена становится снова прозрачной. Только пустота за гранью.

И голос, который звучит изнутри черепа, как мысль, которая не его:

«Сценарий 6-А: Самостоятельное выживание. Начинаем».

Температура продолжает падать. Свет мерцает. Из пола вырастает ледяной шип — прямо там, где только что был его след.

Он перевёл взгляд с игрушки на стену и только потом заметил лёд, в котором, возможно, замёрзли другие вещи. Другие воспоминания. Другие версии него.

Он не произносит те слова, что когда-то вырвались из него в отчаянии. Они уже не его щит — они стали эхом, отголоском прошлых попыток вырваться. Теперь они — часть прошлого, как дыхание, которое уже не согревает.

Вместо этого он делает то, чего никогда не делал в предыдущих циклах. Он решает исследовать это место, но не знает с чего начать и куда идти. Алекс понимает, если он остановится, значит, он сдался.

Он идёт вдоль стены. Замечает, что лёд под правой ногой стал толще. Температура в той стороне куба выше на пару градусов. В воздухе пахнет металлом, но иногда проявляется аромат кофейных зерен.

Мелочи, но именно они — нестандартны. Именно они могут стать следом.

Голос говорит снова:

«Сценарий 6-А: активирован».

«Оригинал: субъект А-7 — уровень диссонанса: 12 %».

«Ожидайте развития событий».

Алекс останавливается и смотрит на свои замершие пальцы, на игрушку, на царапины и шепчет:

— В этот раз... я не стану тем, кем вы хотите.

И делает следующий шаг. Потом ещё один. Потом десять, и лёд под ногами перестаёт быть тюрьмой. Сто шагов — и он идёт навстречу тому, что его сломало.

Он не ищет выход. Он хочет понять по каким правилам работает КУБ. Правила, которые система не может изменить. Правила, которые позволят ему вернуться в настоящее. В прошлые разы он боролся, а в этот раз он станет умнее и хитрее.

Глава 2: Искусство

*«Он не знает пути.
Но начинает понимать правила».*

Первые сто шагов — самые тяжёлые. Не из-за холода. Не из-за боли в ногах. А потому что каждый шаг — это вызов системе.

Он идёт не потому, что видит цель. Он идёт, чтобы нарушить ожидания, сломать сценарий. И он чувствует, что где-то глубоко, за гранью пустоты, за ним наблюдает КУБ. На сто первый шаг, когда он позволил себе сомнение в своих действиях — всё резко меняется. И начинается искусство.

Искусство сломать человека не трогая тело. Через аномалии, вызывающие стресс не только психологический, но и физический. Стресс, который будет ломать мышцы, мозг, нервную систему, внутренние органы, психику. Через гравитацию, через жару, через голоса тех, кого он любит.

КУБ не напал, он проверял, готов ли Алекс сдать теперь, когда надежда уже не оправдалась.

Аномалия 1: Гравитация.

Он делает шаг. Пятка касается льда. И в этот момент начинает происходить что-то очень странное. Пол буквально уходит у него из-под ног. Его тело резко отрывается от земли, словно невидимая рука дёрнула его за позвоночник. Глухой удар, будто по натянутой струне. Он ударяется спиной о прозрачный потолок. Отскакивает. Летит вниз. Но внизу теперь оказывается стена. Он приземляется на бок и катится по ней, как по склону, пытаясь зацепиться пальцами за гладкую поверхность стекла. Дыхание сбивается, в висках — тяжёлый стук. Глаза ищут горизонт, но прозрачные стенки куба уже стали бездной, где все грани абсолютно одинаковые. Гравитация больше не закон природы. Теперь КУБ решает, как ей управлять.

Стеклянный куб перевернулся. Или гравитация сместилась. Или закончился сценарий «стабильность». Он стоит на коленях на стене, как на полу. Стекло под ногами — не треснувшее, а идеальное. Ни единой царапины. Ни пятна. Будто его полируют каждую секунду. За границей — пустота. Но иногда, на долю секунды, в ней мелькают образы: город с обломленными башнями, лес, покрытый инеем, океан с чёрной водой. Как будто куб путешествует. Или показывает ему то, чего больше нет.

Алекс пытается встать. Ноги скользят и не слушаются. Дышать тяжело. В горле — тот же сухой скрип, что и при первом пробуждении. Он смотрит вниз. Там, где только что был пол, теперь пустота за стеной. Гладкая стена куба теперь вертикальна, как обрыв. А за ней безмолвие, густое, как масло. Он понимает, если бы гравитация осталась прежней, он упал бы туда. В эту тишину, в эту чёрную гладь, и исчез, как все, кто когда-то сдался. Его колени дрожат. Спина ноет от удара о потолок. Сердце бьётся в висках, выбивая ритм паники. И тут он видит незначительное мерцание света. Раз... пауза... раз... Не хаотично, но в такт его пульсу.

Алекс замирает. Он знает этот ритм. Из последнего дня, когда ещё была надежда.

— Это не случайность, — шепчет он. — Это проверка.

Он вспоминает:

В 89-й день, в больничной симуляции, когда жена, лёжа на больничной койке, бледная, как бумага, прошептала: «Она проснулась... и улыбнулась. Без тебя».

Монитор за её спиной мерцал с такой же регулярностью. Совпадение?

Или система использует одни и те же шаблоны?

Он замирает. Закрывает глаза.

Вспышка. Пауза. Вспышка. Пауза.

Тогда он понял. Куб повторяет тот же ритм, не как угрозу. А как напоминание: «Ты уже проиграл однажды. Ты снова здесь. Ты снова уязвим.»

Он открывает глаза. Куб по-прежнему мерцает в том же рваном ритме. Тот самый ритм, преследующий Алекса. Он смотрит в пустоту, туда, где нет ни динамиков, ни глаз, но где система слушает.

— Ты повторяешься, — говорит он твёрдо, как приговор. — Ты берешь мою боль и крутишь её как пластинку. Но если ты застрял в одном ритме, значит, ты не идеален. Значит, у тебя есть изъян.

В ответ тишина. Но не та, что успокаивает, а та, что вводит его в большее эмоциональное напряжение. Он встает и начинает идти. И в этот момент воздух вспыхивает жаром.

Аномалия 2: Температура.

Резко. Скачком. От -40 °С до +50 °С за время одного вдоха. Лёд под ним трещит. Из щелей валит пар. Одежда мгновенно становится влажной, прилипает к телу, превращаясь в рубашку пыток. По вискам стекает пот. Воздух густой, как суп. Дышать невозможно.

Он падает на пол. Пытается дышать ртом, но воздух густой и горячий, как раскаленное масло. Лёгкие горят, будто их обжигают изнутри. В голове шум, как будто океан ворвался в череп. Глаза слезятся, но слёзы испаряются, не докатившись даже до щёк. Он чувствует, как кожа на лице начинает пузыриться.

И в этот момент в голове Алекса вспыхивает воспоминание.

Лето. пляж. Он чувствует песок между пальцами ног, тёплый, слегка обжигающий. Слышит шум волн, крики чаек, смех детей. Видит блик солнца на воде, такой яркий, что больно смотреть.

Анечка — в десяти шагах от него. Стоит по пояс в воде, брызгает на себя руками и смеётся. Она выходит из воды, вся мокрая и пахнущая солью и детским солнцезащитным кремом.

— Папа! Вода холодная! Бррр! — кричит она, дрожа от восторга.

Алекс улыбнулся и протянул ей полотенце.

— Вытрись и не перегревайся на солнышке.

Вытеревшись полотенцем, Аня кладет его на песок и ложится, раскинув руки как морская звезда. Она закрыла глаза и ловит лучи солнца, которые играют в её рыжих волосах, превращая их в огонь.

Алекс хочет сказать ей, чтобы она не лежала так долго. Встать и накрыть её кепкой. Но не делает этого. Он думает: «Пусть. Пусть радуется. Пусть будет счастлива.»

Это стало его большой ошибкой. Через минут двадцать Алекс заметил, что Аня не двигается. Её лицо бледное, как мел. Губы синие. А дыхание поверхностное и быстрое. Он берёт её на руки. Её кожа горячая, как у чайника. Она не открывает глаза.

Вспышка. И они уже в больнице. Там кондиционер, яркий свет и запах антисептика. Аня приходит в себя и плачет. Плачет от страха.

— Папа... — шепчет она, цепляясь за его руку. — Мне так жарко... внутри... как будто я горю...

Он обещает ей, что больше такого не случится. Обещает, что всегда будет рядом. Обещает, что солнце никогда не обожжёт её снова.

Воспоминание закончилось. А температура в кубе не изменилась. Жар на его лице реальный. Настоящий. Кожа пузырится, как воск на свече. Он смотрит на пар, поднимающийся с пола. На капли воды, стекающие по стеклу. На своё отражение — бледное, обгоревшее, но ещё живое.

Шепчет:

— Я тоже помню, как было жарко.

Ведь самая страшная жара не та, что жжёт тело. А та, что остаётся в памяти, когда ты ничего не смог сделать.

Он поднимается, но боль и страх не исчезают. Он идёт сквозь пар. Сквозь прошлое, которое пытается удержать его на коленях. Сквозь попытки системы сломить его с помощью воспоминаний. Потому что в этот раз он не оставит её одну. Даже если это было всего лишь воспоминание. Даже если Аня — уже не настоящая.

Аномалия 3: Люди

Когда температура стабилизируется, лёд под ногами перестаёт дрожать, и пар прекращает сочиться из трещин. Воздух снова становится острым, металлический, будто куб выдохнул весь жар и пришёл в себя.

Алекс замечает три человеческих силуэта. Они возникают из тени, будто их нарисовали на пустом холсте мира. Сначала очертания, потом детали, потом эти дурацкие улыбки. Мужчина, женщина и ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.